

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.015
УДК 808.2(470.55)“1930” +
+ 655.254.22(470.55) + 7.038 + 82.09

Н. С. Журавлева
*Южно-Уральский государственный
университет (НИУ)*
Челябинск, Россия
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ЛИТБРИГАДА «ОРАНЖЕВЫЙ КРУГ» И ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛЯБИНСКА В КОНЦЕ 1930-х гг.

Целью статьи является рассмотрение недолгого периода существования литбригады «Оранжевый круг» в Челябинске (1939–1940). Разделяя веру в построение коммунизма, коллектив развивался вне Союза советских писателей и в творчестве опирался на эстетику Серебряного века. Вероятно, это объяснялось влиянием его лидера Алексея Быкова — литератора, начавшего свой творческий путь в Санкт-Петербурге в начале XX в. и опубликовавшего роман «Чертополох» (1907). К сожалению, отсутствие публикаций и утрата рукописей, а также малое количество архивных материалов затрудняют реконструкцию социальных и литературных практик коллектива. Однако сам факт появления столь «неформатного» объединения в эпоху раннего сталинизма в провинциальном городке со скудной социокультурной базой, получившем импульс для развития только в годы первых пятилеток, порождает научную рефлексию.

Рождение литбригады пришлось на сложный период в истории СССР, вставшего на беспрецедентный путь построения социализма. Противоречивость процесса институционализации новой системы породила ранее неизвестные конфликты на всех уровнях, особенно остро протекавшие в творческой среде. Показано, что челябинское отделение Союза советских писателей за долгие годы так и не смогло наладить полноценную работу. Это объясняется частой сменой руководства, в том числе из-за репрессий, обрушившихся на многих членов Союза, реорганизацией системы управления его филиалами, преобладанием непрофессиональных авторов, дефицитом «старых» кадров, включая редакторов, отсутствием взаимодействия между литераторами и региональной властью, скудостью дореволюционной литературной традиции, бедностью прозаиков и поэтов, особенно начинающих, из-за которой они нередко использовали эту творческую структуру в заведомо корыстных целях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литбригада «Оранжевый круг»; Челябинск; 1930-е годы; А. А. Быков; региональное отделение Союза советских писателей; ЧелябГИЗ; Серебряный век; модернизм

Ц и т и р о в а н и е: Журавлева Н. С. Литбригада «Оранжевый круг» и литературное движение Челябинска в конце 1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 225–238. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.015>

Поступила в редакцию: 15.04.2022

Принята к печати: 02.02.2023

Nelli S. Zhuravleva

South Ural State University (NRU)

Chelyabinsk, Russia

Institute of History and Archaeology UB RAS

Ekaterinburg, Russia

THE ORANGE CIRCLE LITERARY BRIGADE AND THE LITERARY MOVEMENT OF CHELYABINSK IN THE LATE 1930s

This article considers the short period of existence of the Orange Circle literary brigade in Chelyabinsk (1939–1940). Sharing the belief in building communism, the team developed outside the Union of Soviet Writers and relied on the aesthetics of the Silver Age in their work. This was probably due to the influence of its leader Alexey Bykov, a writer who began his career in St Petersburg in the early twentieth century and published the novel *Thistle* (1907). Unfortunately, the lack of publications and the loss of manuscripts, as well as the scarce number of archival materials make it difficult to reconstruct the social and literary practices of the group. However, the very fact of the appearance of such an “alternative” association in the era of early Stalinism in a provincial town with a meager sociocultural base which received an impulse for development only during the first five-year plans gives rise to scholarly reflection.

The birth of the literary brigade took place during a difficult period in the history of the USSR, which had embarked on an unprecedented path of building socialism. The inconsistency of the process of institutionalisation of the new system gave rise to previously unfamiliar conflicts at all levels, which were especially acute in the artistic environment. The author demonstrates that over many years, the Chelyabinsk branch of the Union of Soviet Writers was able to organise full-fledged work. This was due to the frequent change of leadership, including due to the repression of many members, the reorganisation of the management system of the Union’s branches, the predominance of non-professional authors, the shortage of “old” personnel, including editors, the lack of interaction between writers and regional authorities, the scarcity of the pre-revolutionary literary tradition, the poverty of prose writers and poets, especially beginners who often used this artistic structure for selfish purposes.

Key words: Orange Circle literary brigade; Chelyabinsk; 1930s; A. A. Bykov; regional branch of the Union of Soviet Writers; ChelyabGIZ publishing house; Silver Age; modernism

For citation: Zhuravleva, N. S. (2023). Litbrigada “Oranzhevyy krug” i literaturnoe dvizhenie Cheliabinska v kontse 1930-kh gg. [The Orange Circle Literary Brigade and the Literary Movement of Chelyabinsk in the Late 1930s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(1), 225–238. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.015>

Submitted: 15.04.2022

Accepted: 02.02.2023

В период оформления советской командно-административной системы в конце 1930-х гг. в Челябинске возникла бригада молодых писателей «Оранжевый круг». Ее «отец-основатель» (бригадир) — Алексей Александрович Быков, 1885 г. р. — работал инженером-строителем, начальником Отдела капитального строительства Южно-Уральской районной электрической сети. Себя он причислял к поэтическому крылу декадентов, датируя 1903 г. первые «пробы пера». С 1907 г. публиковался в издательстве «Сириус», с 1910 г. руководил изданиями Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог, параллельно сотрудничая с петербургскими и провинциальными газетами [Письмо А. М. Файко...]. Являлся корреспондентом поэта-символиста А. А. Блока, в библиотеке которого сохранился роман «Чертополох» с дарительной подписью автора: «Александр Александровичу Блоку. Примите на память мой бледный, случайный цветок, — мой первый опыт. А. Быков. Пг., 1914» [Библиотека А. А. Блока, с. 214].

Прозаический дебют поэта А. А. Быкова дореволюционная критика встретила весьма неоднозначно. В частности, В. Л. Львов-Рогачевский отмечал, что «в этой книге сочетались: идеи Штирнера, стиль Пшибышевскаго и крикливая поза самого автора. Отсутствие таланта и оригинальность заменяют гениальничанье и стремление не походить на других, быть особенным, но эта особенность не идет дальше чисто внешних типографских! выкрутасов...» [Львов-Рогачевский, с. 176]. Литературный критик В. А. Чудовский не рекомендовал читать эту книгу, подробное знакомство с которой он объявил пыткой: «...до конца тома продолжается все та же “Жизнь Якова Вико” и все тот же — о, Достоевский! — бунт против Христа... Мелькали несчетные французские словечки, приписанные воспитанному в Париже герою, вероятно, чтобы намекнуть, что автор тоже воспитан в Париже...» [Чудовский, с. 73].

За исключением двух коротких стихов, изданных в свердловском журнале «Сделай все сам», других опубликованных сочинений А. А. Быкова найти не удалось. Первое («Юнтех») в духе времени иллюстрирует новую молодежь, которая творит «за строем строй» «Мировой Машинострой» [Быков, 1928б]. Во втором («Ветер») излагается одна из идей грядущего социализма о господстве человека разумного над природой: «в цепи ветер закуём», он будет «вертеть машины ночь и день за днём» [Быков, 1928а]. В целом, эти сочинения соответствуют идеологическому тренду страны, вступившей на путь форсированной индустриализации, хотя совсем не схожи с творческой продукцией бригады «Оранжевый круг», пронизанной тенденциями начала XX в.

Обнаруженные «крохи» биографии А. А. Быкова и его подопечных также затрудняют реконструкцию социальных и творческих практик коллектива. Впрочем, в «Книге памяти Иркутской области» фигурируют данные, вероятнее всего, относящиеся к нашему герою: «Быков Алексей Алексеевич. Родился в 1885 г., г. С.-Петербург; русский; б/п; работал инженером группы гражданских сооружений на ст. Нижнеудинск ВСЖД. Проживал: на ст. Нижнеудинск ВСЖД. Арестован 18 сентября 1930 г. Приговорен: особое совещание при Коллегии ОГПУ 23 июля 1931 г., обв.: по ст. 58-14 УК РСФСР. Приговор: 3 года высылки

на Урал. 15 июня 1989 г. реабилитирован заключением прокуратуры Иркутской области» [Быков Алексей Алексеевич].

Подтверждают эту версию данные А. А. Быкова из анкеты Союза советских писателей: 1885 год рождения, профессия «инженер-строитель», упоминание о публикациях в Петербурге [Письмо А. Быкова...].

Возникшая в Челябинске в декабре 1939 г. литбригада «Оранжевый круг» для «совместной творческой работы в области художественно-философской литературы» остановила свой выбор на методе коллективного творчества. Вероятно, предпочтение бригадной формы взаимодействия объяснялось, помимо прочего, идеей коллективного труда и ответственности каждого участника за результаты сотворчества.

Костяк коллектива составили сыновья А. А. Быкова: Иван (1919 г. р., конструктор-механик), Иосиф (1921 г. р., конструктор-строитель) и Владислав (1923 г. р., учащийся). В документах они даже называются членами бригады, в отличие от остальных — консультантов: Нина Брыкова (1920 г. р., студентка Челябинского пединститута), Любовь Васильева (1922 г. р., студентка Магнитогорского индустриального техникума) и Августа Славнова (1913 г. р., техник-электрик) [Список писателей «Оранжевый круг»]. В сумме — семь человек. Вероятно, в круг семьи Быковых были допущены друзья сыновей. Как будто это тайное общество с общими смыслами и секретными способами коммуникации, объединенное особыми знаниями и принадлежностью к технической интеллигенции. Судя по анкете [Письмо А. Быкова...], группа занималась сочинительством несколько лет: писали «в стол», избегая публичной огласки своего творчества. К слову, в газете «Челябинский рабочий» за изучаемый период не отмечено ни одной публикации этих авторов.

По многим признакам бригада «Оранжевый круг» занималась самореализацией за пределами отечественного литературного движения 1930-х гг.: игнорирование производственного быта как в названии, так и в текстах, неформальная деятельность вне структуры Союза советских писателей, опора на внутренние ресурсы, в том числе материальные, малочисленность, близкое знакомство друг с другом и даже родство, наличие образования, далекая от соцреализма методология творчества, ориентация на лидера из «бывших». Между тем, группа разделяла идеи социализма: «Наше направление — литература будущего, художественная литература грядущего коммунизма» [Письмо А. Быкова...].

Обозначение коллектива отнюдь не советской номинацией, предположительно, объяснялось несколькими факторами. Допустимо, что дефиниция «круг» использовалась как символ единства, коллективизма, приоритета целого над частью, совершенства — всего того, что характеризовало природу коммунизма. Если отбросить идеологию, то можно увидеть в названии последовательность, сплоченность единомышленников, совместную ответственность — множество словесных сочетаний с соединительной приставкой *со-*. Математическая «распаковка» значения слова «круг» как линии на плоскости, каждая точка которой расположена на одинаковом расстоянии от центра

окружности, также отражает специфику метода бригады, а именно: коллективное творчество.

Спектр восприятия оранжевого цвета выглядит значительно шире. Во-первых, в колористике указанный тон наиболее близок к красному, но не красный, что может отражать стремление коллектива противопоставить себя общему литературному движению, одновременно разделяя его ценности. Во-вторых, цветовая символика оранжевого включает многие сущности, источающие жизнь: энергия, огонь, солнце. Как литератор Серебряного века А. А. Быков мог воспринимать мифопоэтику оранжевого как горение духа, молодость, дерзновение человеческого разума и воли [Парамонова, с. 165]. Возможно, это и многое другое соотносится со стремлением бригады «пробудить от спячки» литературу провинциального Челябинска. В-третьих, оранжевому окрасу присуща высокая видимость, ажиотаж, будирующий эффект, как «желтая кофта» В. В. Маяковского, — революционность по сути.

Также напрашиваются ассоциации с апельсином: воплощение некой «экзотики», попытка дополнить яркими красками «серую палитру» советской реальности, включая фокус на милитаризм в преддверии Второй мировой войны. Возможно, название отражало очевидные параллели с солнцем. К сожалению, утрата текстов коллектива не позволяет качнуть чашу весов в сторону ни опровержения, ни подтверждения наших допущений.

Названия самих произведений отчасти подтверждают наши предположения. Так, из отчета Союза советских писателей явствует, что уже в первый год бригада «Оранжевый круг» подготовила рукописи художественно-философской мозаики «Скелет жизни» и художественно-философских иллюзий «Тьма крошечная». В работе еще оставались художественно-философский этюд «То, что может быть» и художественно-философские юморески «Борьба за счастье». Такое обилие сочинений, по мнению А. А. Быкова, подкрепляет «жизненность и эффективность выбранного нами метода работы» и «наличие наших творческих возможностей» [Письмо А. Быкова...].

Между тем, продуктивность группы осложнялась географией проживания ее участников: Приморье, Чита, Сатка, Челябинск, Магнитогорск. Связь через почту и отказ челябинского филиала Союза советских писателей сотрудничать с новоиспеченными авторами тормозили публикационную активность. И хотя вопреки тому, что «местные литературные деятели сочли возможным ограничиться только заманчивыми обещаниями» [Там же], А. А. Быков отмечал, что воля молодежи к работе растет.

Коммуникация с местным издательством ЧелябГИЗ также входила в планы литбригады. Однако в письме к оргсекретарю Правления Союза писателей т. Бабанчиковой 4 декабря 1940 г. А. А. Быков отмечал, что директор ЧелябГИЗ А. И. Каганис обещал, но не осуществил размножение рукописи произведения «Тьма крошечная», сославшись на отсутствие бумаги. «Попытки наши достать где-либо любой ценой килограмма два бумаги не увенчались успехом» [Там же], — эту причину снижения творческих темпов бригадир назвал основной.

После письма в Президиум Союза о выделении сырья для печати московские шефы обратили внимание на этот коллектив. Выяснить детали поручили челябинскому поэту М. Д. Львову, драматургу А. М. Файко и критику В. Б. Александрову. «Ревизоры» единогласно отказали группе в перспективе развития. Так, М. Д. Львов назвал работу бригады «ложной», а затею их лидера — «абсолютно не творческой»: ни он, ни его подопечные не имеют представлений о задачах советской литературы. Претензии к челябинскому отделению Союза писателей были признаны необоснованными, ведь там, по его данным, даже не видели рукописей [Отчет М. Львова...].

Председатель комиссии по литературной консультации и экспертизе Союза советских писателей А. М. Файко, куда была отправлена на рецензию рукопись «Скелет жизни», в отчете высказал удивление, как А. А. Быков умудрился «сохранить почти в неприкосновенности весь груз декадентства, его эстетики и философии» [Постановление председателя комиссии...]. Сочинение, по заключению эксперта, представляло собой «уродливую форму», которую приняли «попытки совместить все это с претензией на новую “революционность” содержания» [Там же]. Челябинскому отделению Союза писателей следовало «заинтересоваться общим лицом» и литературной деятельностью бригады, — таков его вывод.

«Разгромная» рецензия В. Б. Александрова окончательно убедила «чиновников от литературы» в злобедности сочинения «Скелет жизни» и необходимости срочной ликвидации коллектива. Между тем, сохранение текста этой рецензии, а также отзыва на рукопись заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Челябинского обкома ВКП(б) В. А. Масленникова позволяют осуществить частичную реконструкцию замысла, сюжетных линий, характера персонажей на основании приведенных цитат, правда, вероятно, вырванных из контекста рецензентами.

В. Б. Александров главного героя произведения (революционер Поль Конради) характеризует так: «Этого мелкого штирнерианско-ницшеанского пошляка неодолимо тянет к “высшему обществу”» [Александров, л. 58]. К такому выводу его подтолкнул ряд фраз из романа вроде этой: «Я — внебрачный, незаконный сын моей милой мамы, светлейшей княжны Эриванской» [Там же, л. 59]. Комментарии советского критика ироничны по понятным причинам:

Поль Конради поступил, разумеется, в аристократическое Училище Правоведения — ребенком; исключенный оттуда за то, что выпускал (разумеется, выпуск на французском языке!) подпольную газету, он попадает... в сиротский приют. Во всех этих пошлостях и нелепостях две черты неожиданно правдоподобные. 1) когда после Октябрьской революции Поль Конради приходит со своими «трусами по революционной философии» в Смольный, ему отвечают: «не пойдет». 2) В дальнейшем он оказывается в концентрационном лагере в Соловках — самое подходящее для него место. Но и там он остается верен своим аристократическим пристрастиям. «В толпе людей я давно заметил несколько этих прелестных головок представительниц бывшего петербургского большого света, с которыми еще недавно встречался на лицейских

балах... Среди них я узнал графиню Борг, рожденную де-Платт...», с которой он, разумеется, и сходится [Александров, л. 59].

Для В. Б. Александрова подобная «самовлюбленность», «пошлятина», «эти мечты о графинях и герцогинях» есть источник «ненависти автора к “окружающей среде”, к “преобладающему большинству советских граждан”» [Там же]. Критик видит в сочинении «чудовищную клевету на советский народ»: в тексте И. В. Сталин называется «идеалом человеческой жизни», по сравнению с которым бытование большинства людей в СССР представляет «колоссальное убожество... человеческого я». Хотя, по мнению В. Б. Александрова, цитаты советского лидера о творческом марксизме и революции присутствуют в тексте лишь для отвода глаз. Замысел сочинения им понимается так: презрительное отношение к большинству соотечественников как «жалким людям» связывается с их неразумением природы вещей. «Философия автора, которую он выдает за революционную философию, сводится к двум положениям: а) сущность жизни есть жизнь, б) нужно любить самого себя» [Там же, л. 58], — таково резюме московского аналитика.

Для убедительности в своей рецензии он приводит несколько цитат из рукописи: «...Ни один наш поцелуй, ни одно самое страстное объятие не были осквернены банальной ложью: люблю тебя. Мы не нуждались в этом. Мы знали... Человек в состоянии по-настоящему любить только себя» [Там же]. Или: «Я вижу себя с ног до головы... Я вижу свою сокровенную сущность... Я радуюсь. Я солнечно рад, что я — я... Я не похож на тех, кто вызывает во мне чувство отвращения... Я не стыжусь своей наготы» [Там же]. В качестве вывода В. Б. Александров высказывает недоумение, как такой текст мог выйти из-под пера коллектива писателей: сочинение индивидуалистично по своей сути.

Без сомнения, местная власть оказалась встревожена таким массивированным вниманием Правления Союза советских писателей к литбригаде «Оранжевый круг». Так, по поручению первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Г. Д. Сапрыкина заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации В. А. Масленников провел собственное «расследование». Его вывод — книге присущ субъективизм и «крайний индивидуализм», вплоть «до отрицания государства путем объявления интересов государства и личности тождественными» [Докладная секретарю обкома..., л. 62]. Рецензент подчеркнул наличие явно анти-советских выпадов: «Жизнь советских людей — убожество, говорит он. “Кичливо, нагло, по-индюшачьи самоуверенно выступают на гражданском поприще эти жалкие людишки” (с. 160). Объясняется “это отвратительное явление современной советской действительности” феноменальной ленью и глупостью» [Там же, л. 61]. Или еще пример: «О советских людях говорит: их тактика “ничем не отличается от заклятых врагов коммунизма” (с. 166)» [Там же].

Согласно позиции В. А. Масленникова, книга «Скелет жизни» представляет собой рассказ-поучение главного героя. В его отзыве сквозит неприкрытая издевка:

Этот Поль Конради в 1917 году услужливо явился в Смольный к Володарскому с тетрадами по философии — научным даром революции, но тот через секретаря вернул со словами — не подойдет. Видимо в период борьбы с Юденичем Поль Конради вместе с нетрудовым элементом в Петрограде рыл окопы и вбивал колышки для укреплений. Позже заинтересовалась ВЧК — выслали на Соловки. И он «в целях государственной безопасности должен был унести в дебри обширные знания» (с. 139) с иронией и сожалением рассказывает Поль [Докладная секретарю обкома..., л. 62].

Лишь красивый почерк был назван единственной удачей. А. А. Быкова он представил человеком нечистоплотным, вскользь упомянув, что помощь бригаде была оказана, но тот использовал ее в личных целях. Однако весомых улик приведено не было. Вероятно, негативное отношение к творчеству группы было перенесено на персону. Вердикт куратора агитации и пропаганды в обкоме партии не мог быть иным: данная книга является вредной, и печатать ее нельзя. 26 февраля 1941 г. секретарь Правления Союза советских писателей А. А. Фадеев призвал челябинский обком ВКП(б) ликвидировать объединение в кратчайшие сроки [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 68, л. 53].

К сожалению, не удалось обнаружить ни в архивах, ни в периодической печати информацию о дальнейшей судьбе членов бригады «Оранжевый круг», а также о реакции местных литераторов на их деятельность. Вероятнее всего, их «приняли в штыки». Предположительно, подобное неприятие, в числе прочего, объяснялось глубокими противоречиями внутри Союза советских писателей в конце 1930-х гг. как на региональном, так и на общесоюзном уровнях. Например, Оргкомитету челябинского отделения, утвержденному Правлением Союза 19 января 1936 г. [РГАЛИ, ф. 631, оп. 5, ед. хр. 35, л. 30], судя по документам, вплоть до Великой Отечественной войны так и не удалось наладить полноценную работу. Это объяснялось частой сменой руководства, в том числе из-за репрессий многих членов, реорганизацией системы управления филиалами Союза, преобладанием непрофессиональных авторов, дефицитом «старых» кадров, включая редакторов, отсутствием взаимодействия между литераторами и региональной властью, скудостью дореволюционной литературной традиции, откровенной бедностью прозаиков и поэтов, особенно начинающих, оттого нередко использующих эту творческую структуру заведомо в корыстных целях. Последнее, по мнению современного историка В. А. Антипиной, изучившей письма и протоколы заседаний, было отнюдь не редким явлением в среде советских писателей на протяжении долгих лет [Антипина].

Как следствие, «вместо того, чтобы быть творческими объединениями, правления превратились в учреждения с раздутым аппаратом, пожирающим большие суммы денег, с бюрократическими методами работы» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 2, д. 220, л. 31]. Озабоченность этой «вредной» тенденцией проявилась на страницах печатного органа Союза советских писателей. Так, в «Литературной газете» вышла статья о том, что десятки областных отделений расходуют огромные средства на помощь молодым писателям (не менее 1–1,5 млн руб.), но из них выдвинулось всего два-три человека. По мнению автора, причина

кроется в ранней профессионализации писателей — отрыве от рабочей среды и стремлении зарабатывать только творчеством. Они превращаются в «матерых литературоделов»: много пишут, но не печатают, «зато становятся активными, когда дело коснется личного благополучия» [Алдан].

Вполне объяснимо, что летом 1937 г. коллегиальное руководство (правление) заменили институтом уполномоченных. В Челябинске эта реформа лишь обострила противоречия: избранные уполномоченные (В. Ф. Губарев, потом В. А. Макаров) не вступили в должность из-за репрессий. Дезорганизации местных литераторов также содействовал арест поэтов Б. А. Ручьева и М. М. Люгарина. В итоге в городе не осталось ни одного члена Союза советских писателей. Возникла парадоксальная ситуация: при формальном отсутствии организации оставались авторы, которые публиковались в печати и отчисляли в Литфонд проценты от гонораров. Этот литературный актив (36 человек) избрал временное бюро, но без юридического статуса, а значит, и без финансирования так и не смог развернуть работу.

Институт уполномоченных вскоре заменили коллективным руководством: при региональных альманахах создавались художественно-редакционные советы, состоявшие из директора издательства, редакторов и местных писателей [ОГАЧО, ф. 288, оп. 3, д. 268, л. 75]. Между тем в Челябинске такое положение дел существовало де-факто. Из-за отсутствия подразделения Союза писателей литактив группировался вокруг издательства ЧелябГИЗ, имея возможность печататься, получать гонорары и консультации. Ключевые события литературной жизни региона в конце 1930-х гг. также инициировало издательство: выпуск шести номеров альманаха «Стихи и проза» (1937–1940), созыв региональных конференций. В частности, I областное совещание литературного актива Челябинской области 1–3 марта 1937 г., по мнению литературоведа Л. П. Гальцевой, заложило основы деятельности челябинского Союза советских писателей [Гальцева, с. 91].

Несмотря на контроль центра (план, финансирование, цензура), руководство региональных отделений Областного государственного издательства (ОГИЗ) обладало долей свободы при издании сочинений местных авторов. Но с 1939 г. вводится обязательное рецензирование всех рукописей в Москве, что увеличило зависимость областных писателей от центра, ударило по их материальному положению и даже самолюбию. К примеру, «Челябинское дело» стало резонансным из-за вмешательства Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). После рецензии Е. В. Златовой ОГИЗ запретил печать четвертого выпуска «Стихи и проза» — первого литературного альманаха на Южном Урале — по причине низкого качества материала и спекуляции на «тематической остроте произведений» [РГАЛИ, ф. 631, оп. 5, ед. хр. 153, л. 44]. Челябинцы обратились к Правлению Союза, утверждая, что «распоряжение и рецензия имеют мало общего с линией партии в руководстве начинающими писателями» [Там же, л. 47]. Вопреки этой апелляции к высшему арбитру бюро областных комиссий 23 июня 1939 г. поддержало Е. В. Златову, хотя и указало на субъективность любой рецензии.

Письмо челябинцев признали хулиганским, а их метод — порочащим статус советского писателя.

Столкновение между Правлением Союза и челябинскими литераторами было вызвано, в числе прочего, неясностью их правового положения. В частности, судя по документам, с 1939 г. коллектив челябинских литераторов стал именовать себя отделением Союза советских писателей, правда, без официального подтверждения из Москвы. Тогда же возник филиал Литфонда, куда приняли шестерых местных авторов. Поэтому случалось, что представители Литфонда требовали отчеты несуществующей структуры.

Сами писатели переживали, что бюро не может выехать в область или оплатить консультирование сочинений. «У нас нет ни клуба, ни угла, где мы могли бы собраться. Литорганизация и ее бюро до сих пор являются незаконнорожденными. Правление Союза советских писателей нас фактически и официально не признало. А областные организации не знают, куда же нас присоединить. Кто будет нами руководить и отвечать вместе с бюро за работу. Бюро не может даже заказать печать и штампы, чтобы выступить официально от имени литорганизации», — обращались они в очередном письме на имя Правления [РГАЛИ, ф. 631, оп. 5, ед. хр. 153, л. 28].

Л. Я. Шапиро, член бюро областного сектора Союза, командированный для разбирательства, объяснил случившийся казус так: «Когда были уполномоченные, в Челябинск тоже был выделен. На него была доверенность и пр. С того времени, очевидно, и осталась там печать и все прочие формальные признаки» [Стенограмма заседания...]. Именно поэтому с формальной точки зрения челябинский коллектив в реестре Союза советских писателей числился как литературная группа, а не региональное отделение. Очевидно, что в условиях огосударствления всех сторон советского общества реальной возможностью достичь материального благополучия для деятелей литературы и искусства становилось превращение в государственных служащих, а именно вхождение в состав творческих союзов СССР.

Таким образом, вполне вероятно, что многие областные филиалы Союза советских писателей в конце 1930-х гг. так или иначе испытывали аналогичные трудности. Это объяснялось не только спецификой сталинской модернизации, но и отсутствием опыта у работников этой творческой организации по управлению периферией. В частности, для коммуникации с региональными писателями в 1934 г. возник областной сектор Союза. Его работой местные кадры зачастую были недовольны, что, в частности, отражают протоколы заседаний челябинцев, которые не раз обращались к Правлению с просьбой прислать столичного литератора для руководства или хотя бы рецензирования. Но никто не хотел ехать в «захолустье», в первую очередь из-за остроты квартирного вопроса. Также в документах прослеживается обида на москвичей, чьи визиты нередко объяснялись стремлением заработать на местах.

Почти все челябинские литераторы предвоенного времени начинали свой путь в литературу, как правило, «от станка», со скудным бэкграундом.

За исключением нескольких фигур, снижавших всесоюзную славу (Л. К. Татьяничева, М. Д. Львов, В. Н. Кузнецов), многие из них до сих пор остаются в неизвестности. И это несмотря на «исключительно благоприятную почву для массового литературного движения» [Ловин] в одном из центров советской индустриализации. В этом смысле особняком стоит фигура А. А. Быкова, человека зрелого, с дореволюционным образованием, сформировавшегося в атмосфере начала XX в., в том числе из-за этого подвергнувшегося дискриминации еще до эпохи «Большого террора».

«Близорукость» челябинцев, как писателей, так и власть имущих, проглядевших рождение такой «неформатной» структуры, как литбригада «Оранжевый круг», помимо прочего, стала следствием противоречивости процесса институционализации социалистической системы. Советскому человеку приходилось заново вырабатывать механизмы взаимодействия с административными структурами, преодолевать конфликты, защищать личные интересы. Это и многое другое приобрело новое звучание в период массового террора, усугубившегося «неврозом» предвоенного времени.

В частности, «выживание» челябинского обкома в 1940 г. оказалось под угрозой из-за «громкого» разоблачения книги Н. Е. Борисова — директора ЧелябГИЗа, профессионального редактора, куратора литактива города. Его роман «Выговор» выпустили тиражом 10 тысяч экземпляров. Но его запретило Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с формулировкой «наглая, гнусная троцкистская клевета на партию, на социализм, на советских людей» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, ед. хр. 175, л. 33]. «В книге Борисова замалчивается, обходится роль партии в жизни страны, в разгроме и ликвидации врагов народа. Зато в романе с большой любовью поданы враги народа, смелыми сильными “идейными” людьми. Эти люди, правда, на последних страницах разоблачаются. Но это не меняет антисоветского характера книги», — о резонансе дела свидетельствует его обсуждение на уровне секретарей ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, А. А. Жданова и Г. М. Маленкова [Там же, л. 35].

В такой атмосфере, напряженной памятью о недавних арестах, местные руководители и в издательстве, и в администрации города, как и литактив, могли просто пропустить рождение коллектива «Оранжевый круг», не связанного ни с одной из этих структур, если бы не настойчивость их лидера А. А. Быкова в привлечении внимания к объединению.

Рассуждения о причинах возникновения столь нетипичной для периода сталинизма литбригады в городе со скудной социокультурной базой [подробнее см.: Журавлева], «пробудившегося» в этом смысле только в годы первых пятилеток, за дефицитом документов так и остаются на уровне предположений. Возможно, совершеннолетие сыновей позволило А. А. Быкову формально создать «свое» творческое сообщество. Ведь, скорее всего, тексты создавались именно семейством Быковых, его сыновьями, так или иначе вобравшими «философию жизни» отца.

Возможно, их решение «выйти из тени» было вызвано изменением политического тренда конца 1930-х гг. — отказом от нигилизма в отношении

дореволюционного прошлого и возрождением «державно-патриотического» дискурса. Частичная реабилитация имен, сюжетов, традиций и ценностей, цементирующих отечественную государственность в имперской России, стала приметой времени. Вкупе с приостановкой репрессий руководство СССР использовало эти нововведения для примирения с советским обществом после «перегибов» коллективизации и первых пятилеток, рассчитывая на поддержку в преддверии Второй мировой войны. По мнению немецкого историка Д. Л. Бранденбергера, помимо прочего, такая политика отражала прагматизм советской власти: вместо интернационализма новая «национальная» (русская) идея оказывалась эффективнее для воплощения этатизма и обеспечения лояльности режиму [Бранденбергер, с. 8].

Фрагментарное сопоставление рецензий дореволюционных критиков на роман «Чертополох» и советских разборов рукописей литбригады «Оранжевый круг» позволяет предположить, что А. А. Быков и спустя 30 лет оставался приверженцем эстетики декаданса. Внимание к внутреннему миру человека и эмоциональным переживаниям, безысходность и утонченный индивидуализм прослеживаются даже в отрывочных цитатах из мозаики «Скелет жизни», так же, как и обращение к теме революционности, вызова, протеста обществу, наконец, к скрытому эротизму. Предположительно, колоссальные «сдвиги» советской социалистической модернизации 1930-х гг. погрузили его в состояние растерянности, порожденное резкими переменами в обществе и обезличиванием человека на фоне индустриализации и урбанизации, роста социальной напряженности из-за тяжелых условий труда и быта. А возможно, пресытившись пресной действительностью провинциального Челябинска и советской реальности вообще, А. А. Быкову, сформировавшемуся в столичном Петербурге эпохи модерна, захотелось выйти из жестких рамок повседневности, погрузившись в пространство нетривиального. Неслучайно акцент на звучные имена, удивительные биографии и яркие образы, столь присущий декадансу, прослеживается в отрывках из сочинений литбригады «Оранжевый круг».

Появление подобного сообщества единомышленников в условиях действия Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», согласно которому запрещались все виды творческих объединений, кроме Союза советских писателей, делало коллектив априори «мертворожденным». Сложно представить, как члены литбригады (будущие ИТР) и, прежде всего, их лидер, обладающий богатым жизненным багажом, включая опыт тюремного заключения, могли рассчитывать на публикацию своих рукописей, да и социальную безопасность, продолжая оставаться вне системы. Гогосударствление общественной жизни в межвоенный период развития СССР превращало эту идею в утопию.

Сокращения

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Источники

Алдан А. Нужны ли областные отделения Союза писателей? В порядке обсуждения // Литературная газета. 1937. 5 июня.

Александров В. «Оранжевый круг». Бригада молодых советских писателей. Скелет жизни. Мозаика. 1940 // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 249. Л. 57–59.

Библиотека А. А. Блока: описание. Кн. 3 / сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина ; под ред. К. П. Лукирской. Л. : БАН, 1986.

Быков Алексей Алексеевич. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/1834901/> (дата обращения: 27.11.2022)

Быков А. Ветер // Сделай все сам. 1928а. № 2. С. 1.

Быков А. Юнтехы // Сделай все сам. 1928б. № 1. С. 1.

Докладная секретарю обкома ВКП(б) Сапрыкину от заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) Масленникова // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 268. Л. 61–63.

Ловин К. П. За массовое литературное движение // Челябинский рабочий. 1932. 6 авг.

Львов-Розачевский В. Алексей Быков. Чертополох. Книга первая. Жизнь Якова Вико. Рецензия // Современный мир. 1912. № 1. С. 176.

ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 220; Оп. 3. Д. 268.

Отчет М. Львова в бюро областных комиссий при Правлении ССП т. Шапиро Л. Я. // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 249. Л. 55.

Письмо А. Быкова Правлению ССП, оргсекретарю т. Бабанчиковой от имени бригады // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 249. Л. 53–54.

Письмо А. М. Файко Челябинскому отделению ССП // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 249. Л. 56.

Постановление председателя комиссии по литконсультации и экспертизе при Президиуме Союза советских писателей А. М. Файко Челябинскому отделению // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 249. Л. 56.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 35.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Ед. хр. 175; Оп. 125. Д. 68.

Список писателей «Оранжевый круг» // ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 3. Д. 268. Л. 51.

Стенограмма заседания бюро областных комиссий 1 февраля 1941 года // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 364. Л. 38–39.

Чудовский В. Новые книги. А. Быков, А. Галунов, В. Муйжель // Аполлон. 1911. № 8. С. 71–75.

Исследования

Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М. : Молодая гвардия, 2005.

Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) / пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб. : Академический проект : ДНК, 2009.

Гальцева Л. П. В Урале Русь отражена: статьи. Очерки. Заметки. Челябинск : Редактор : Челяб. рабочий, 1991.

Журавлева Н. С. Периодическая печать как форма литературной жизни Челябинска первой трети XX века // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» / под общ. ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 312–330.

Парамонова Л. Ю. Мифопоэтика цвета в лирике русских символистов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2017.

References

Antipina, V. A. (2005). *Povsednevnaia zhizn' sovetskikh pisatelei. 1930–1950-e gody* [Everyday Life of Soviet Writers. 1930s–1950s]. Moscow: Molodaia gvardiia.

Brandenberger, D. L. (2009). *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956 gg.)* [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)]. (N. Aleshina, & L. Vysotsky, Trans.). St Petersburg: Akademicheskii proekt; DNK.

Gal'tseva, L. P. (1991). *V Uralskoi Rusi otrazhena: stat'i. Ocherki. Zametki* [Rus' is Reflected in the Urals: Articles. Essays. Notes]. Chelyabinsk: Redaktor; Cheliabinskii rabochii.

Paramonova, L. Yu. (2017). *Mifopoetika tsveta v lirike russkikh simvolistov* [The Mythopoetics of Colour in the Lyrical Poetry of Russian Symbolists] (doctoral dissertation). Ekaterinburg.

Zhuravleva, N. S. (2016). Periodicheskaia pechat' kak forma literaturnoi zhizni Cheliabinska pervoi treti XX veka [Periodical Press as a Form of Literary Life in Chelyabinsk in the First Third of the 20th Century]. In E. K. Sozina, & T. A. Snigireva (Eds.), *Literaturnyi protsess v regional'noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg.: ot "Zavolzhskogo murav'ia" k "Ural'skomu rabochemu"* [The Literary Process in the Regional Periodicals of the 1830s–1930s: From *Zavolzhsky Muravey* to *Uralsky Rabochy*] (pp. 312–330). Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.

Журавлева Нелли Сергеевна

кандидат исторических наук

¹ доцент кафедры отечественной

и зарубежной истории

Южно-Уральский государственный

университет

454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 76

² научный сотрудник

центра истории литературы

Институт истории и археологии УрО РАН

620108, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи

Ковалевской, 16

E-mail: zhurnell@mail.ru

Zhuravleva, Nelli Sergeevna

PhD (History)

¹ Associate Professor

Department of National and Foreign History

South Ural State University (NRU)

76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russia

² Researcher

Centre for the History of Literature

Institute of History and Archaeology, UB RAS

16, Sofia Kovalevskaya Str.,

620108 Ekaterinburg, Russia

Email: zhurnell@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2467-7748>